

V. ВСЁ БОЛЬШЕ ВСЕГО

Глава посвящается психологу Юле Бурлаковой. Этот текст изначально создавался как домашка по ее медитации: «представьте... спросите... дайте... услышите...» Мы искали «выживальщика». И я представила, спросила...

А дальше все пошло не по плану...

Мой внутренний лес. Сосны. Я иду, похрустывая веточками. Птицы, белки, земляника... Уже почти лето, солнце отбрасывает длинные тени. Насколько это возможно в лесу. Часов одиннадцать утра. Я вижу холмик, а в нем грубовато скроенная деревянная дверка. Будто для гнома — в полный рост не войдешь. Я не помню ее здесь раньше и решаю зайти. Спускаюсь недолго по каменным ступенькам, по земляному коридорчику, и коридорчик этот какой-то бесконечный. И все такое узкое! Воздух земляной спертый. Свет тусклый — лучинки торчат из земляных стен. Слышу ритмичные звенящие удары. Кирка? О скалу? О металл?

Вхожу в малюсенькое круглое пространство. И вижу довольно высокого, но очень худого мужчину. На нем старая серая каска, покрытая каменной пылью, испещренная трещинами. Мужчина действительно долбит киркой по куску скалы в земле. Он здесь, видимо, так долго, что его черная роба стала велика ему размера на два, — так он истощен. Но ему не во что переодеться. И, видимо, некогда...

- Что ты делаешь? — спрашиваю его.
- Не даю скале разрастись. Сбиваю каменные наросты.
- Кто ты?
- Твой труд.
- Как тебя зовут?

— Труд.

— Почему тебе тяжело?

— Любому тяжело делать работу, которая не приносит плодов. — Он, наконец, посмотрел на меня. Глаза его уставшие, в сеточках морщин, он кажется едва ли не старше меня... Блекло-серые, выцветшие. Потухшие. Мне показалось, что даже ресницы его — в каменной пыли.

— Тогда почему ты продолжаешь?

— Потому что больше некому. Некому меня заменить здесь.

— Ты можешь просто оставить эту скалу?

— Не могу. Она тогда разрастется, растолкает всю землю, вылезет наружу и разрушит все вокруг.

— Откуда тебе знать? Может, она разрастется на полметра и остановится сама! — мне страшно за Труда. Он долбит со всего маху уже неведомо сколько лет! Камни отлетают от скалы и растворяются на земле, испаряются. А скала проворачивается, и не уменьшается.

— Те, кто работали тут до меня, так сказали.

— А ты проверял? Ты останавливался?

— Конечно, нет. Я не хочу, чтобы все вокруг разрушилось.

— Как ты тут выживаешь? Что ты ешь? Что ты пьешь? Ты вообще спишь?

— Здесь есть корни деревьев, насекомые и мыши. Вода стекает по корням и по самой скале. Спать мне некогда.

— Ты вообще не спишь?

— Раз в два дня могу поспать. Несколько часов. Пока не упаду — не усну: боюсь, что скала меня раздавит.

— Так выйди отсюда!

— Она вырастет туда, наружу, и раздавит все. Не тут, так там — она меня догонит. И тебя догонит. И всех догонит.

— Но ты же этого не знаешь...

— Так говорили. Кто я такой, чтобы проверять? Если они были правы, я тогда ничего не успею исправить. Тут, — он показал на место, в которое бил, — и только тут откальваются камни. Но она все время вертится! Она бесконечно крутится!

И он снова бил, бил, бил еще и еще. Из-под его каски градом лил пот, он вытирал изможденное лицо мокрым рукавом и продолжал долбить скалу.

— Миленький мой! — взмолилась я, — Скажи мне, в чем ты нуждаешься? Нужно ли тебе что-нибудь? Воды? Еды?

— Света и солнца. Воздуха и ветра, — он вдруг замер на мгновение. — Они когда-то у меня были, я помню. А еще я помню собаку. Большую и добрую. Кажется, она умерла, — он как будто очнулся, коротко тряхнул головой и снова занес кирку. Вновь застучало и зазвенело.

Я села и заплакала... Это я к себе так?.. Это я с собой так?.. Это же как нужно к себе относиться, чтобы — вот так?! Больно ли мне? Неимоверно! Но это слезы прозрения. Откровения. Слезы правды, так внезапно обнаруженной. Я не буду их останавливать. Я еще не знаю сейчас, чем закончится эта история, но точно знаю, что должна спасти Труд. Он сделал достаточно. *Достаточно!* Он имеет право на свет и на солнце. На воздух и ветер. И на собаку. Большую и добрую.

— Остановись!

Он не слышал меня. Или не хотел слышать. Не знаю. Но мне показалось, что он скоро умрет. Мне даже показалось, что он к этому стремится! И теперь, когда я заставила его вспомнить солнце и воздух, и собаку, и этим вынудила яснее ощутить безнадежность его положения, почувствовать бесконечный контраст — того, что было, с тем, что есть... он принял это страшное решение для себя: «я буду трудиться еще больше, и пусть я умру быстрее». Я прокричала «остановись!» еще несколько раз, но он все так же, даже еще яростнее лупил скалу. А она все двигалась, и двигалась, и ни на миллиметр не уступала... Я должна что-то сделать, что-то решить прямо сейчас. Иначе он умрет!

— Ты можешь уйти отсюда!

Он отказывался меня слышать.

Я хотела кинуться между ним и скалой. Может, он перестал бы стучать? Но поняла, что — нет. Он отодвинет меня, и продолжит. Но любая выносливость имеет пределы. Любые силы когда-нибудь закончатся. И только упорство его, кажется, не имеет границ.

— Сколько лет ты здесь?

— Около тридцати.

— Мне было четырнадцать тогда?

— Нет. Значит, больше. Тебе было девять, когда стала расти скала, и я начал копать туннель.

— Ты знаешь, сколько нам лет?

— Я думал, еще нет сорока.

— Нам через неделю — сорок пять.

— Ох... — он снова вытер лоб, — я тут действительно долго...

— Что бы ты сделал, если бы мог выйти отсюда?

— Побежал бы купаться. Загорать. Я бы валялся на траве и жевал бы травинки. Я бы ел только фрукты. И завел бы собаку. Я бы объездил с ней весь свет, жил бы в самых разных местах. Занимался бы самыми разными делами. Только бы не этой долбежкой...

— А чем бы ты занимался?

— Я слышал, где-то там, наверху, живет гениальный Трикстер. И он придумывает миры. Я мог бы ему помогать. Думаю, я смог бы создать с ним много самых разных миров, в которых могли бы жить самые разные прекрасные существа, и происходили бы самые невероятные, но истинные вещи. И я сам бы тоже там происходил...

И он снова занес над головой свою проклятую кирку. Пора идти ва-банк!

— Дорогой Труд! Хочешь, я расскажу тебе правду?

Он замер, не успев опустить руки.

Трикстер слышит и видит тебя. Прямо сейчас. Он пришел бы к тебе сам, пожал бы руку и забрал бы наверх. Но он не спускается на этот «этаж». Я расскажу тебе, что он знает о тебе...

Ты фантастически силен. Чертовски вынослив. И дьявольски упорен — до упрямства. И ты умен, хотя не веришь в это. Но ты излишне доверчив, по-детски наивен и чрезмерно зависим. Ты веришь во все, что тебе сказали сто лет назад, и считаешь, что мир таков, как тебе сказали тогда, и что ты сам — до сих пор таков, и что скала может кого-то уничтожить. Ты ждешь команд — разрешений и запретов. Ты не можешь сам позволить себе выйти из этой шахты — на свет и солнце, хотя твоя дверь не заперта! Ты любишь ту собаку, потому что она была образчиком выносливости и — служения. И даже к Трикстеру ты хочешь потому, что знаешь — он будет тебя направлять. Он будет решать

за тебя. Что ж... Он играет на нашей стороне, его можно и нужно слушать. Но когда-то ты послушал кого-то, кто играл против нас. Против тебя. Так вот... Все давно изменилось. И теперь я дам тебе новое разрешение. Я предлагаю тебе стать правой рукой Трикстера. Он это тебе предлагает. Ему нужна твоя помощь, потому что он не такой выносливый, не такой упорный, не такой дисциплинированный. Ты будешь направлять его в этом. Он будет направлять тебя в свободе и сотворении миров. Вы — идеальная пара! Согласен ли ты сменить работу, Труд?

Он опустил кирку, но еще не бросил ее.

— Посмотри! Сколько мы уже говорим, а скала не выдвинулась. Ни на миллиметр. Возможно, ты с ней закончил? Возможно, даже она говорит, что тебе пора? Идем со мной наверх! Там есть большой холм с большим домом на вершине и с садом. И там живет Трикстер. А с другой стороны холма — огромное озеро. Ты будешь купаться и загорать... А травы там — валяться не переваляться! Жевать не пережевывать!

Что-то вроде улыбки показалось мне его на лице. «Все правильно делаю!» — подумала я и продолжила:

— У тебя отныне новый начальник, Труд. Поздравляю! Вы сработаетесь. И у меня есть еще один сюрприз для тебя... Я тоже любила ту собаку.

Издали раздавался собачий лай. Мы в моей голове. И моя собака в ней тоже. И мне не жалко вернуть ее тому, кто в ней так нуждается, и кто столько лет вкалывал, думая, что удерживает мой мир от разрушения. Он заслужил — абсолютно и безоговорочно.

Кирка бухнулась на землю. И растворилась. Как те камни, что с таким безостановочным напряжением откалывали ею почти тридцать лет. Она тоже закончила свою работу.

— Давай дадим тебе другое имя, — предложила я Труд. — Как ты хочешь, чтобы тебя теперь называли?

— Текст, — ответил бывший Труд. — Теперь меня зовут Текст.

Он двинулся к выходу. Скинул каску, сбросил робу, и я удивилась его изящной фигуре, светлым джинсам, синим кедам и ослепительно белоснежной футболке. Текст обернулся. И я окончательно онемела. На меня смотрели задорные лучистые молодые

глаза. Ярко-ярко голубые. Ясные, как небо в детстве. Я же помню тебя... Это же ты был со мной, когда мне было семь! Ты учил меня писать сказки!.. Я помню, как ты появился, когда я сидела над чистой красивой тетрадкой. Тебе тогда тоже было семь. Ты залез с ногами на стол, подпер щеку кулаком, и начал диктовать мне слова. Я помню, как мы смеялись, вспоминая, как пишутся буквы. А ты помнишь, что мы все время писали «э» в другую сторону? А потом на подоконнике появился еще один мальчик. Черноволосый, темноглазый. Он все время придумывал сюжетные ходы. Хотя таких слов мы еще не знали, но это было оно. Он любил плевать чаинками и много смеялся. И нас заставлял. Я помню нашу первую сказку, Текст... Я помню тебя!

— Ну а ты-то? Идешь? — Текст улыбнулся, и я окончательно в него влюбилась. — А, знаешь, ты была кое в чем не очень права... *Я могу решать*. И могу выбирать. Не только слова. Я даже знаю дорогу к Трикстеру. Идем. Он меня действительно ждет.

Мы шагали по дороге из желтого кирпича к большому зеленому холму с большим светлым домом на вершине. Впереди нас подпрыгивал наш любимый пес, вокруг нас менялись леса, поля, луга. По мановению Текста мы то проходили мимо бескрайних долин подсолнухов, то оказывались среди маков, то вдруг вдоль дороги вырастал сосновый бор...

— Все, что хочешь, родная! — и Текст бросил собаке неведомо откуда взявшуюся палочку. Они побежали за ней наперегонки. И я не удивилась, когда Текст собаку обогнал.

О, да! Ты сильный... Сильный Текст. Выносливый... Бумага все стерпит. Ты упорный до упрямства... Что написано пером... Как же я всего этого до сих пор не понимала? Ты хочешь и *можешь* творить миры. И ты будешь творить их.

Я не сказала тебе... Но когда мы отошли от той норы, в которой ты лупил по скале, я обернулась... Скала действительно вышла наружу. Но это была не скала... За все эти годы бесконечного труда ты создал из камня восхитительную скульптуру... Она гигантская, и мы увидим ее с вершины холма. Трикстер ее уже видит. Кажется, он вообще всегда знал, что она там.

Так что... ты тоже был кое в чем не очень прав: твоя предыдущая работа принесла плоды. И эти плоды изумительны. И я, наконец-то, это вижу.

— А знаешь, чего я хочу сейчас? — Текст оказался рядом, позволив собаке всецело завладеть палкой. Он щелкнул пальцами, не дожидаясь моего ответа. — Держи. — и протянул мне алый очищенный гранат. — Какие фрукты любит Трикстер?

— Ффе! — сказала я, уже впившись зубами в сочные зернышки и почти обливаясь соком.

— Ну а что больше всего?

— Все. Больше всего Трикстер любит все.

— Ну ладно, — усмехнулся Текст. — На полную катушку, значит?.. Хорошо. Будет ему все.

Все! Все, к чему ты прикасаешься, в чем проявляешься, — ты все способен изменять. И ты знаешь свою силу, Текст. Ты все способен сделать прекрасным.

VI. ЧЕКАННОЕ СЕРЕБРО

Глава посвящается Николаю Сапсану — бизнес-тренеру, который сказал мне, что «ты живешь либо по стратегии, либо по сценарию. Найди и опознай свой финансовый сценарий. И освободись от него». Я нашла. Освободилась ли? Скоро узнаю.

— **А** давайте поговорим о деньгах? — бросаю вопрос в пустую комнату. Жду, когда появится Артур. Или Главред. Трикстера не жду — не его поляна. — Ау? С кем бы мне тут в своей голове поговорить о деньгах? О казне, господа, побеседовать бы!

— Чего орешь-то? — в комнату заходит-таки Трикстер.

— Ты-то тут почему? — озадачена я.

— Потому что твой вопрос не взрослый. Ты тут в своей голове никого не надуешь. Ты же про страхи хочешь поговорить, а не про деньги. Вот я и пришел.

— А за страхи тоже ты отвечаешь?

— За победу над ними. За их обесценивание. Это вообще мое любимое занятие, если что, — гордо вскидывает голову.

— Обесценивание?

— Именно! Спрашивай.

— Почему я так боюсь остаться без денег?

— Ну, приехали! — Трикстер даже руки опустил и присел. — Это что за вопрос-то такой? Тебе как ответ поможет?

Я задумалась... И действительно... Ну расскажет он мне еще раз то, что я уже и так знаю: что дважды пережитый опыт нищеты, когда реально нечем было ребенка кормить, напугали меня до чертиков. И что мне с этого ответа будет? Куда дальше после него двигаться?

— Попробуй еще разок, мать. Если грамотно спросишь, может, и Артур причапает, пару дельных советов даст.

— А Королева может активизироваться? — интересуюсь. Вот ведь у кого должны быть все ответы на все вопросы.

— Не про деньги. Королева твоя — не про казну. Для казны есть управляющие, и у тебя их целых два. Ты же правильно в начале написала.

Ненавижу, когда он ссылается на мои же тексты. Но — таков Трикстер...

— Есть еще один момент, мамуль... Ты в жизни своими деньгами не управляла, сколько бы их ни зарабатывала. Королева твоя, считай, новорожденная... Чего ты ждешь от нее? Ей еще учиться и учиться царствовать-то да казной распоряжаться. Так что, она тебе пока про деньги никакого ответа не даст. Давай вопросик свой заново! — и он махнул рукой как будто вызывал меня на сцену.

— Уф-ф... Почему я вообще боюсь остаться без денег? — выпалила я, особо не надеясь на ответ.

— Ай, молодечичка! Умничка моя, мусичка-малюсечка! — Трикстер схватил меня как ребенка за щеки и смачно расцеловал в лоб. — И кто ж тебя, журналисточку нашу, учил вопросы-то задавать?

— Опять не тот?

— Не тот, конечно, — расхохотался Трикстер.

— Так какой вопрос-то должен быть? Если не про деньги, а про страхи?..

— А чо сама думаешь? — встал, облокотился на стол, отключив зад.

— Ты в коучи, что ли, подался? Я тебя спрашиваю, а ты мне мой же вопрос возвращаешь? Предлагаешь самой ответ искать?

— Да когда ж ты поумнеешь-то? — Он ударил себя кулаками по лбу. — Ты и есть я. Я и есть ты. Ты по любому сама с собой сейчас разговариваешь! Алло! Гараж! — Вздохнул. — Но я тебе таки помогу, убедила. — Он оторвался от стола и, как Артур, сунув руки в карманы, начал расхаживать по комнате. — Хочешь через прошлое идти, давай сходим. Вспомним-ка, например, свое детство...

Я вспоминаю. Мы с родителями прожили в Индии три с половиной года. Я провела там период с шести до девяти лет. Это было совершенно сказочное время — закрытый советский горо-

док посреди города Ранчи, огороженная территория, все сто человек друг друга знают, двери в квартиры не запираются, круглый год солнце и сумасшедшие цветы, фрукты и всякие сладости, конфеты, жвачки, о которых Россия узнает только через десять лет. Нас катали на слонах, я каждый день завтракала бананами и манго, у нас был круглосуточный бассейн с двумя вышками для прыжков, детская площадка размером с половину футбольного поля, а в каждом из трех начальных классов было по три человека. Хотя нет, третьеклассница, кажется, вообще была в единственном экземпляре...

Мы слушали запрещенные в СССР пластинки, читали (рассматривали) Тин-Тина, и у меня был набор фломастеров 64-х цветов. К девяти годам я знала, что такое кондиционер и муссоны, слышала, как шипит кобра, видела гигантских летающих тараканов и как их на лету ловят ибисы, ела личи каждую неделю, любила группу ABBA и Челентано, отличала Рея Чарльза от Луи Армстронга... Но не знала, что такое деньги. Мне не давали ни рупки на завтраки или обеды в школе, потому что кормили нас бесплатно, а школа была в четырех минутах ходьбы от дома. Правда, я знала слово «рупки» — так взрослые называли рупии — индийскую валюту. Но зачем они нужны, я не очень понимала. Сладости нам тоже привозили, платили за них взрослые, и мы, дети, — просто брали сколько душе угодно.

— Ты осознаешь, что это детство реальной принцессы? Настоящей принцессы, — уточняет Трикстер, внимательно меня разглядывая. — Нет забот, огороженный замок, куда нет хода чужакам, все всех знают, у всех есть четкие роли: этот — врач, тот — повар, это индус-уборщик — по-русски знает только «здр-ластути». Все получаешь готовое, ни в чем не нуждаешься... Пара гувернанток, которые закрывают все потребности в начальном образовании. Принцесса, да?

— Да-а... — я расплываюсь в улыбке.

— Хорошо было?

— Да-а...

— А потом? — и глаза его темнеют. Вокруг меня темнеет тоже.

— А потом мы вернулись в Екатеринбург. Тогда он был еще Свердловском.

И все, что дети постигают за четыре-пять лет осознанного детства, мне пришлось постигать за три месяца первого осознанного советского лета. Разумеется, я не справилась. Родители не могли помочь, да и не до меня им было... Гигантские пространства, людей столько, сколько я в жизни не видела! Я пыталась здороваться со всеми на улице — у нас же в Индии так было принято! Меня так научили... Кто-то надо мной смеялся, кто-то удивлялся. Я не знала, что такое гаражи, и для чего они нужны, почему вокруг так много домов, и ни один не огорожен — это же значит, что в любой дом может войти любой человек! А где же вооруженная охрана, как у нас в Индии было? И неужели во всех этих домах действительно живут люди? Откуда столько людей вообще?

Когда я увидела школу, у меня вообще ноги подкосились. Какие три класса? Какие три кабинета? Только в моем новом классе было 32 человека! У нас в Индии столько детей во всем городке не найти! Как, то есть, до школы ехать двадцать минут? На чем ехать? На *трамвае*? А это что такое?

Почему тут вообще так холодно? +28! У нас в Индии летом было +55! И здесь, в разгар уральского лета, я надевала колготки, шерстяную кофту и — мерзла... Нормальные уральские люди, изнывающие от жары в сарафанах и шлепках, смотрели на меня как на идиотку. Никто из них не думал об акклиматизации. Это я знала такое слово (нас врачи перед отлетом инструктировали). Ходила и всем рассказывала, что со мной «не так».

Но, в конце концов, я поверила, что со мной что-то «не так», потому что мне все об этом говорили. Я выглядела глупой, когда, разинув рот, разглядывала трамваи и троллейбусы. Могла часами изучать стеклянные молочные бутылки (у нас в Индии уже были тетрапаки для всех жидких продуктов). Удивлялась, что тут никто не знает, что такое Spearmint, Juicy Fruit, Chupa Chups, Fanta. Когда я рассказывала, как мы жили, другие дети называли меня «хватушей» и «врушей». Никто не верил, что я каталась на слоне...

Ах, да... при чем тут деньги? Вы думаете, они тогда появились в моей жизни? Конечно нет. Мама ходила в магазины сама, потому что я боялась и упиралась до истерик, и продукты продолжали появляться на столе «из ниоткуда». Я не могла сосчитать сдачу, путалась в рублях и копейках. Из-за сходства в звучании

«рубля» и «рупки» считала, что рубль — мельче копейки! Копейка — такое красивое слово! А что такое «рубль»? Фу... Понятно, что ребенок с таким «пониманием» денег на слух обречен быть обчисленным в любом советском магазине. В общем, да... В магазины я не ходила. Лет до двенадцати. И радовалась, что меня не заставляют считать сдачу... И вот радовалась-то я — зря...

— Итак, два этапа детства — мимо денег.

Трикстер чешет в затылке. Можно подумать, он был чем-то удивлен. Сам же меня повел.

— Хорошо. Что дальше?

А дальше — статусный отец, работавший на крупнейшем в стране машиностроительном предприятии «Уралмаш»! Начальник экспортно-импортного отдела. Минимум шесть заграничных командировок в год! Зарплата — ого-го! Мы ездим на новенькой «Волге» цвета слоновой кости, я — в джинсах и белых кроссовках «Адидас» — в 1985 году! В Свердловске! На мои ноги пялились все. Родители не отпускали меня в импортных шмотках одну, потому что боялись — разденут!

Деньги? Какие деньги? Папа! Ну да, покупать себе булочки в школьной столовой и платить за проезд в уже привычном трамвае я к четырнадцати годам таки научилась. Но все остальное было по-прежнему: «папа может», «папа достанет», «папа привезет из Италии/Японии/Испании/Кореи и т. д.» И так до 1994 года. До моего восемнадцатилетия. К тому моменту, правда, я освоила еще один «финансовый навык» — покупку пива и сигарет... Откуда у меня были деньги? *Я не помню!* Видимо, давали родители...

— Третий период — выход из детства. Как отношения с деньгами? — Трикстер уже не расхаживает, не посмеивается.

— Походу, по полям...

— По полям. Ну, хоть поняла, что рубль больше копейки — уже прогресс! — вскидывает руку и тычет пальцем в потолок.

— Издеваешься?

Но я на него на самом деле не обижаюсь. Я впервые погрузилась в свою историю с точки зрения отношений с финансами. Никогда раньше мое детство не подвергалось подобному анализу... Это чей голос во мне?

— Это Королева разбирается, — прозвучал с кресла тихий уверенный баритон.